

— Что значит «нет»? Не любишь? Не можешь? Или не хочешь?

Тан Шаотан: «...»

Ему казалось, что у А Цзю всегда полно слов и вопросов. И эти вопросы, цепляясь один за другой, неизменно заставляли его думать.

Думать о том, что он сам думает. Но убийце из Павильона Радужных Одежд не нужно иметь собственных мыслей.

Поэтому Тан Шаотану всегда было неловко.

Он взвесил слова, прежде чем ответить:

— Могу. Не могу сказать, что люблю или не люблю. Вино замедляет реакцию, поэтому в обычное время не пью.

Тан Шаотан проходил базовую подготовку по употреблению вина — по одному запаху мог определить крепость. Что до выносливости — он не был непробиваемым, но и лёгкой мишенью его не назвать. Однако ему не нравилось ощущение лёгкого опьянения после выпивки — оно было сродни тому состоянию полудрёмы, когда иногда снились сны.

А просыпаясь, он всегда чувствовал, будто память затянута дымкой, которая не хочет рассеиваться.

А Цзю всё это время наблюдал за его реакцией. Теперь, с лёгкой усмешкой в уголках глаз, он нарочито подтолкнул свою чашу с вином к Тан Шаотану, вынуждая того:

— Ты ешь за мой счёт, носишь моё, пользуешься моим — и даже чашу вина не хочешь выпить из уважения?

Тан Шаотан был выходцем из Павильона Радужных Одежд, и Глава павильона Жуань не наивно полагал, что тот опьянеет с одной чаши и выложит все свои секреты после нескольких глотков. Он просто поддразнивал его, играючи. Но неохотный вид Тан Шаотана лишь разжёл его интерес. Всё равно они по разные стороны баррикад — можно и позабавиться немного.

Тан Шаотан: «...»

Он окинул себя взглядом и вынужден был признать, что А Цзю прав. Он ел (за счёт А Цзю), носил (взятое из дома А Цзю без спроса), пользовался (меч тоже был из дома А Цзю) — всё было от А Цзю.

У А Цзю были веские основания и вещественные доказательства.

Тан Шаотан не мог возразить. Пришлось уступить.

Он поднял глиняную чашу, полную вина, и осушил её залпом.

Вино не было крепким. Во рту оно было сладковатым и насыщенным, а густой аромат османтуса проникал прямо в сердце. Тан Шаотан обнаружил, что этот вкус ему не противен. Но он не стал наливать себе ещё, а просто поставил чашу и уставился на А Цзю напротив. Точно так же, как бесчисленное количество раз во время тренировок по указанию тётушки Чань, он ждал, когда тот вынесет оценку.

Но А Цзю не стал его оценивать. Он лишь спросил:

— Вкусно?

Тан Шаотан кивнул.

А Цзю тут же подвинул оба кувшина к его ногам:

— Всё твоё.

Тан Шаотан удивился:

— А ты не будешь?

А Цзю отмахнулся, отодвинув и свою чашу:

— Я вообще-то капли в рот не беру.

И правда, после этого А Цзю лишь уплетал еду, не притрагиваясь к вину и не уговаривая больше Тан Шаотана.

Пока другие посетители неспешно выбирали блюда и прихлёбывали вино, А Цзю в одиночку, словно ураган, смел половину стола.

Тан Шаотан немного дрогнул и в конце концов положил палочки, перестав соперничать с А Цзю за еду.

Когда блюда только подали, он тоже попробовал несколько закусок. Вкус был неплох, но никак не назвать его неотразимым деликатесом.

А скорость, с которой А Цзю уничтожал еду, была ненормальной. Казалось, он голодал не два дня, а два года. Однако, хотя он ел невероятно быстро, движения его не были грубыми — половина стола опустела, а на губах не осталось и следа жира.

— Чего не ешь? — поинтересовался А Цзю.

Он ткнул пальцем в явно нетронутую другую половину стола, торопя того.

Тан Шаотану пришлось снова взять палочки и положить себе в чашу несколько блюд.

После «пиршества таоте» А Цзю вытер рот, расплатился и заявил, что пора в гостиницу отдыхать.

Прямо так: поел — и сразу спать.

Однако Тан Шаотан недооценил А Цзю. По дороге в гостиницу тот не унимался, а продолжал есть, есть и есть, с одного конца улицы до другого.

Тан Шаотан даже начал подозревать, что А Цзю не хватает денег, возможно, именно потому, что он сам же и проел свой кошелёк.

Хотя А Цзю и сорил деньгами, но в дураках оставаться не желал — торговался с невероятным рвением. Сейчас он как раз препирался с уличным торговцем танухалу.

— Ты только что сказал, как тебя звать? Чжао, да? Слушай, старина Чжао, твои боярышники не очень-то свежие, да? Я на том конце улицы у старика Чжана купил — куда посвежее были.

Старик Чжао, задетый за живое, возразил:

— Эй, молодой господин, не болтайте чепухи! Мои танухалу — самые сладкие во всём Фэньюане, все соседи знают.

— Все соседи знают? Правда? — А Цзю оказался дотошным. Тут же притащил несколько соседних торговцев и принялся допрашивать каждого.

— Эй, скажи-ка, его танухалу и правда самые сладкие в вашем городке? Если соврешь — велю ему разгромить твою лавку. — Он указал на «громилу», кивнув в сторону меча, который сам же и вручил Тан Шаотану.

Тан Шаотан, внезапно назначенный громилой: «...»

— Э-это... я... не знаю, — пробормотал торговец, бросив взгляд на ледящего кровь Тан Шаотана. В душе он подумал: «Такой красивый парень — и чем только не занялся, лишь бы хулиганить. С такими дикарями лучше не связываться!»

— Не знаешь? — не отставал А Цзю.

Тут же он сменил собеседника:

— Ну, а ты скажи. Только не смей говорить, что тоже не знаешь.

Невинный прохожий, оказавшийся под прицелом, поспешно проглотил уже готовое сорваться с языка «я тоже не знаю» и, напрягая извилины, отбрехался:

— Я... я не ем танухалу!

Допросив двоих без результата, А Цзю обернулся и нахмуренно уставился на старика Чжао.

— Старина Чжао, да ты, я смотрю, персона. Я им прямо угрожаю — а они и слова против твоих танухалу сказать не смеют.

Старик Чжао вытер со лба холодный пот:

— Да что вы, что вы... просто земляки меня уважают.

— Господин молодой, не мучьте вы меня. Давайте я вам ещё одну палочку в подарок, угомонитесь, а?

— Ладно, будь по-твоему, — сказал А Цзю, принимая танухалу и суя её в руки Тан Шаотану. — Подержи. И не смей есть!

Тан Шаотан усмехнулся, стоя с палочкой танухалу в руках, словно застигнутый врасплох порывом ветра.

Он бы и не подумал воровать еду.

Убийцы живут на лезвии ножа, и к повседневной еде относятся крайне осторожно. Насколько он знал, коллеги по ремеслу обычно выбирали знакомую и пресную пищу. Во-первых, к

знакомому вкусу чувствительнее — изменения заметнее. Во-вторых, в лёгких блюдах проще разобрать ингредиенты и приправы. А если взять что-то острое, перебитое слоями специй, где вкуса не разберёшь, — себе дороже. Хотя некоторые, наоборот, шли против правил, специально выбирая острое — говорят, есть особые диеты, нейтрализующие определённые яды.

Тан Шаотан не силён в таких тонкостях, но основы распознавания обычных ядов знал. К тому же, благодаря внутренней энергии, его сопротивляемость куда выше, чем у обычных людей, так что свалиться ему было не так-то просто. Но даже так он всегда ел мало и маленькими кусочками, оставляя себе пространство для манёвра — на случай чего дать телу время погасить действие отравы.

За всю свою жизнь он не видел ни одного обычного человека, который бы ел так быстро и так много, как А Цзю. Потрясённый, он даже начал испытывать некоторое любопытство к среде, в которой вырос А Цзю.

Что это за дом, что за семья, что воспитали такого человека?

Тан Шаотан уставился на танухалу в руке и с лёгкой завистью предположил:

Наверное, сладкий.

Авторское примечание:

Уговаривать пить — нехорошо.

Не пытайтесь повторить, если вы не в отношениях «любовь-ненависть».

«Простите, господа, сегодня все номера заняты».

Экономика в Фэньюане хирела, но постоянный двор «Фэньюань» всегда был полон и шумен.

А Цзю скользнул взглядом по гостям, уже давно ожидавшим в главном зале. Одежда и внешность у всех были разные, мужчины и женщины, старые и молодые — казалось, здесь собрались представители всех слоёв общества со всех уголков света. Единственное, что их объединяло, — это скрытность, подозрительность и вечно озирающиеся взгляды.

А Цзю подпер подбородок рукой, облокотившись на стойку, и лениво спросил:

— Чего народу так много?

Хозяин выдал загадочную улыбку и с намёком сказал:

— Если вы, господин, и вправду не знаете, то лучше и не знать.

А Цзю закатил глаза. Мысленно он процедил: «Да я-то знаю, это же те, кто день за днём пишут мне письма, суют деньги и просят кого-то прикончить».

На горе Ушоу — Павильон Ушоу, у подножья горы Ушоу — городок Фэньюань. Сколько людей, наслушавшись славы, приезжали сюда, но не могли ни есть, ни спать, трепеща от страха и околачиваясь тут без дела в надежде уговорить кого-нибудь из Павильона Ушоу совершить убийство.

Глава павильона Жуань всё знал. Но он боялся, что Тан Шаотан не знает. Поэтому он обернулся, чтобы понаблюдать за его реакцией.

Тан Шаотан кивнул:

— Да, лучше не знать.

<http://bllate.org/book/16258/1462468>